

БОРИС
ВАСИЛЬЕВ

ЗВУЧАТ ЛИШЬ ПИГЬЖЕНА

16+

Борис Васильев

Звучат лишъ письма

«ЛитРес: Самиздат»

1989

Васильев Б. А.

Звучат лишь письма / Б. А. Васильев — «ЛитРес: Самиздат», 1989

Повесть «Звучат лишь письма» - первая часть трилогии «Спиралью выются чьи-то судьбы» об изобличении умных преступников, способных, идя по трупам, достигать свои цели. Итак. В подъезде жилого дома обнаружен труп мужчины. В ходе расследования обстоятельств происшествия выясняется, что за несколько дней до смерти он был похищен на улице и под страхом смерти использован в качестве эксперта для установления подлинности уникальных рукописных книг. По всем признакам эти книги из таинственно исчезнувшей несколько веков назад библиотеки царя Ивана Грозного. Следы ведут в подземелья монастыря. Как связана тайна смерти старого реставратора с необъяснимым появлением в городе раритетов мирового уровня? Кто и, главное, где скрывает ту самую царскую либерию? На эти вопросы ищут ответы Ким Логвинов, Илья Карзанян, Виктор Стрельников и другие сотрудники милиции – герои трилогии. Вот только все ли благополучно доживут до продолжения повествования, в котором их поджидают новые смертельные опасности?

© Васильев Б. А., 1989

© ЛитРес: Самиздат, 1989

1

Дождь моросил не переставая. Еще вчера белый и пушистый, сегодня снег потемнел и уплотнился. Могильные холмики обрели свои обычные формы.

Когда небольшая похоронная процессия вступила на территорию кладбища, Светлана еще теснее прижалась к мужу. Глаза ее, воспаленные от слез, выражали несвойственную покорность.

Катюшка то и дело порывалась выдернуть свою крохотную ладошку в варежке из большой руки отца. Девочка беспрестанно вертела головой и про себя, чуть шевеля губами, читала фамилии на мраморных досках и табличках. Смерть бабушки ее не испугала, тяжесть и боль утраты не сдавливали сердечка.

Киму казалось, что потеря, к которой он был готов, зная о безнадежном состоянии давно болевшей тещи, вызовет в нем тяжелые переживания. Но все оказалось проще, как-то буднично и спокойней. Теща умерла ночью, во сне. А утром он уже обзванивал родственников и близких знакомых.

Гроб опустили в могилу тихо и быстро. Застучали по крышке комья глины и смолкли. Вырос холмик. Его подровняли. Грубо, лопатой обрубили стебли цветов и кое-как воткнули их между комьев мерзлой земли. Ким обнял одной рукой жену, другой – дочку и повел их к выходу. Они проходили мимо старых могил. Вокруг одних высились подобия склепов, сваренные из полос или прутьев металла и старательно выкрашенные, другие стояли даже без оград, всеми забытые, едва угадываемые под осевшим снегом.

Ким шел уверенно. Он хорошо знал городское кладбище. Часто, особенно осенью, приходил сюда на этюды. Тишина и покой помогали ему одновременно отдохнуть и сосредоточиться. Именно здесь догадки и предположения выстраивались стройными рядами, разрозненные, а порой и противоречивые факты занимали свое место...

У выхода, будто очнувшись, Светлана отстранилась от мужа, мельком глянув в зеркало, поправила на голове сбившийся черный платок, отряхнула варежки дочери, оглядела Кима и грустно улыбнулась. Даже сейчас она не могла отказать себе в невинном удовольствии полюбоваться мужем. Высокий, широкоплечий, иногда резкий в движениях, он всегда внушал ей спокойствие и уверенность в себе. На обрамленном каштановыми волосами смугловатом лице его с широко поставленными серыми глазами несколько маленьких коричневых родинок казались естественным украшением. Светлана знала, что, нравясь женщинам, сам Ким относится к своей внешности пренебрежительно, хотя по долгу службы всегда был предельно аккуратен.

У ворот кладбища их ждал служебный автобус, который Киму выделили в связи с похоронами тещи. Здесь же, неподалеку, на стоянке среди забрызганных уличной грязью разноцветных иномарок оказалась черная и блестящая, будто только что выкатившаяся из мойки, «Волга» отдела по борьбе с преступлениями против личности управления уголовного розыска. Ким надел шапку и подошел к машине. Федор Семенович, как всегда, внимательно изучал журнал «За рулем». Они у него не переводились: то ли старые перечитывал, то ли новые штудировал по месяцу.

– Ты чего? – заглянул Ким в открытое окно.

Водитель, не отрывая взгляда от журнала, мотнул головой в сторону.

Они уже виделись сегодня утром, когда Ким забежал на работу перед похоронами. Тогда молчаливый Семеныч вылез ему навстречу из машины, что делал исключительно редко и очень неохотно, подошел вплотную и глухо сказал:

– Ты это, держись. Вот. Что же тут... – и пожал Киму руку.

Сейчас же он даже не удостоил его взглядом. Повернувшись в ту сторону, куда кивнул Семеныч, Ким увидел подходившего к ним Вадима. Сычев спрятал подбородок в толстый, домашней вязки шарф, воротник пальто из бежевой плащевой ткани с теплой подстежкой был поднят. Он непрестанно шмыгал носом, смущался от этого, но ничего не мог поделать со своим насморком, допекавшим его ранней весной и поздней осенью.

– Извини, – поздоровавшись, прогундосил Сычев. – Смолянинов за тобой прислал.

Вадим отвернулся и облегченно вздохнул, выполнив свою неприятную миссию.

– Ладно, не вздыхай, – тронул его за плечо Ким. – Я же понимаю.

На самом деле он ничего не понимал. Начальник отдела предоставил ему три дня по семейным обстоятельствам – не каждый же день такое случается. И вот опять дергает, никого в отделе что ли больше нет?

Досада давала о себе знать, хотя Ким и не хотел признаваться в этом даже самому себе: «В такой день... Да и Светку жалко».

Она стояла у автобуса, удерживая за руку дочку, которой хотелось подойти не столько к отцу, сколько к большой черной и такой блестящей от дождя машине.

– Давай ко мне заедем, – не предложил, а скорее заявил Ким. – Оттуда – в управление. А? – Он махнул рукой дочке.

Вадим пожал плечами: мол, как знаешь, я свое дело сделал, и открыл дверцу. Ким подхватил на руки подбежавшую к нему Катюшку и посадил ее рядом с Вадимом на заднее сиденье, а сам пошел к автобусу.

– Грустный месяц март, – сказала Светлана, когда они подъехали к дому. Помолчала и потом добавила: – Как бы Катюшка не простудилась.

Ким молчал. Он держал руку жены, затянутую в тонкую кожаную перчатку, и смотрел на выходящих из автобуса родственников. Ему вдруг стало обидно за своих девчонок. Обидно оставлять их одних. Конечно, это реакция на смерть близкого человека: и паршивое настроение, и сентиментальность эта, невесть откуда взявшаяся. Он любил тещу, хотя и старался не подавать виду, но любил нежно, как-то по-домашнему. И любовь его проявлялась не в праздничных подарках, о которых Ким никогда не забывал, не в терпимом отношении к ее старческим нотациям, а скорее в тактичном умении сгладить острые углы совместного быта.

Когда девять лет назад Ким пришел в этот дом, на него повеяло воспоминаниями детства. Раньше они с матерью и отцом жили в пригороде, почти в таком же двухэтажном кирпичном доме, в комнатухе на втором этаже. Отец, умерший, когда Киму едва исполнилось восемь, мечтал видеть сына на тепловозостроительном заводе, где проработал всю свою жизнь, начав подсобником и закончив главным инженером. Это он, Клим Логвинов, как обещал своему отцу, назвал единственного сына в честь Коммунистического интернационала молодежи. Имя странное, но между тем созвучное собственному. Еще в школе Ким с гордостью объяснял товарищам его происхождение. Сейчас это мало кого интересовало, а если кто и спрашивал, Ким отшучивался или намекал на свои якобы корейские корни. Скажи он, как было на самом деле, пришлось бы объяснять, что значит само слово интернационал, которое уже вышло из повседневного оборота.

– Ты иди, – Светлана поправила и без того безукоризненно лежащий на его груди шарф. – Мы сами. Тетя Саша, наверное, уже все приготовила. Позвони, если сможешь.

Ким наклонился, поцеловал жену куда-то в висок и пошел к стоящей у соседнего подъезда «Волге». Поднял на руки надувшую губы дочку, прижал к себе и шепнул на ухо:

– Не шали, слушайся маму. Ей сегодня очень плохо.

Катюшка кивнула, выскользнула из рук отца и медленно, то и дело оглядываясь, пошла к своему подъезду.

Едва Ким сел рядом с водителем, машина резко рванула с места. Семеныч удовлетворенно крикнул, усаживаясь поудобнее. Под колесами вместо спекшегося за зиму льда уже шуршал асфальт. «Волга» хорошо держала дорогу.

– Может, скажешь, в чем дело? – спросил Ким, обернувшись к Вадиму. Подъезд и автобус с черной полосой уже скрылись за поворотом, и он с удивлением почувствовал, что ему стало легче. Словно дома, мимо которых они проезжали, отгородили печальное событие сегодняшнего дня и все, что было с ним связано. Ким переключался на работу.

Вадим нарочито равнодушно произнес:

– Труп. В Петропавловском, дом семь. Похоже на убийство. Смолянинов сказал, чтобы ты подъехал, посмотрел. А потом – сразу в прокуратуру. Там получишь задание. По плану следственных действий и оперативных мероприятий, – последнее предложение он произнес наставительным тоном, внушительно подчеркивая каждое слово – подражая Смоляникову.

Начальник отдела не давал Сычеву сложных и ответственных поручений, хотя оба они с Кимом были в звании капитанов милиции, держал его на «мелочёвке». Почему? Логвинов как-то спросил об этом полковника, но тот вместо ответа как-то странно посмотрел на него и снисходительно улыбнулся. Вадим всегда работал не то чтобы уж очень хорошо, но без «проколов» – стабильно и добросовестно. Но на каком-то этапе он терял нить поиска, утрачивал инициативу и без посторонней помощи уже не мог обойтись. В последнее время Сычев и сам, похоже, стал уваливать от сложных заданий. Это произошло после того, как он, получив от своего осведомителя информацию о том, что приезжие кавказцы устроили в подвале одного из домов неподалеку от рынка склад сахарного песка, не доложил никому и отправился сам задерживать террористов. Кончилось это тем, что полковнику Смоляникову пришлось объясняться в прокуратуре и областной администрации: вместо гексогена в мешках, которые Сычев вспорол, не удосужившись составить акта, действительно оказался сахарный песок. Хорошо еще, торговцы не подали в суд. Собрали с пола рассыпанный продукт и продали его подешевле на том же рынке.

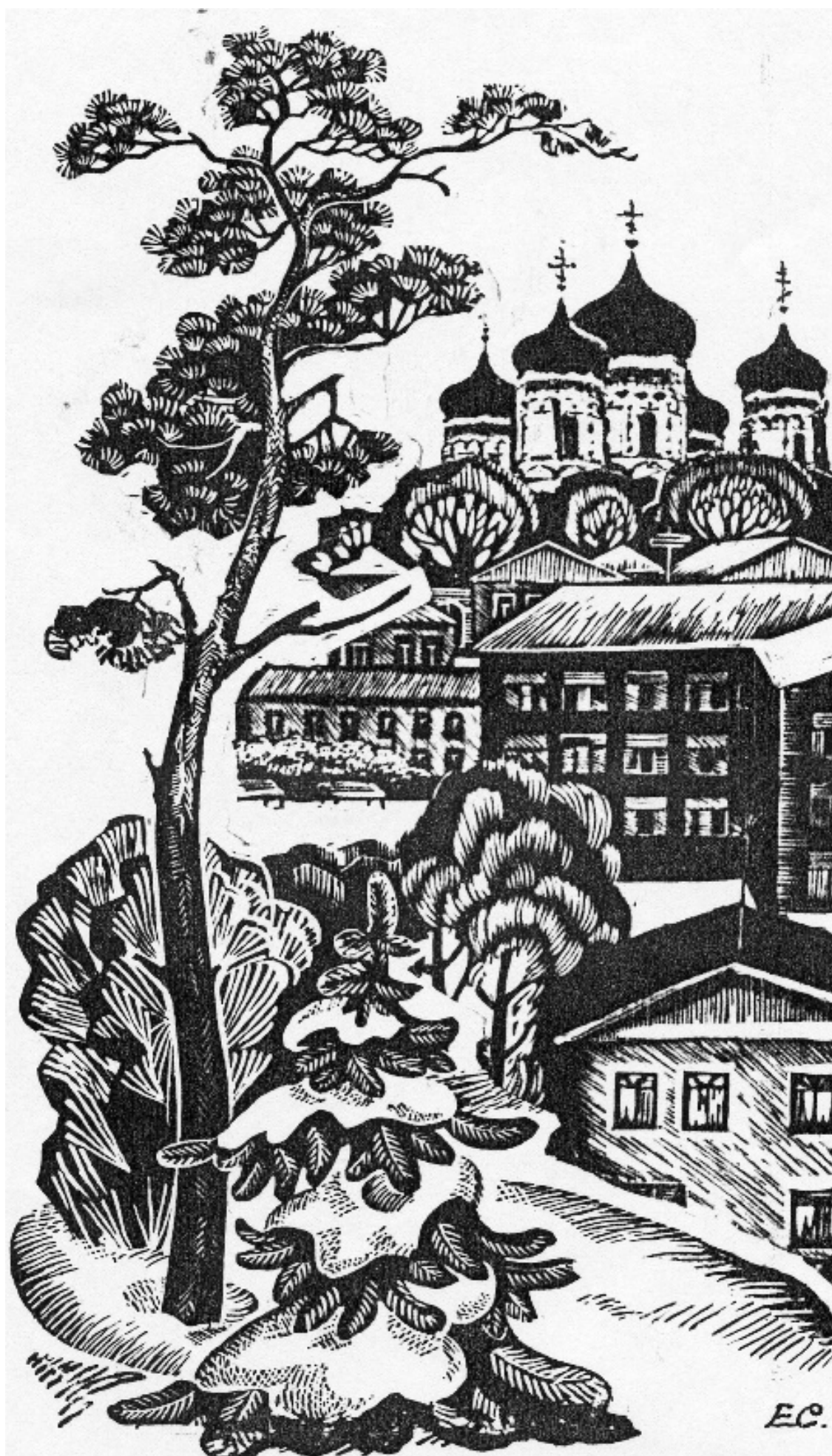
– А ты чего же? – как бы между прочим спросил Ким. – Мог бы попроситься, чтобы послали тебя.

– Меня и послали, – ухмыльнулся Вадим. – Только не на место происшествия, а на поиски незаменимого сыщика капитана милиции товарища Логвинова К. К. Вот так-то, брат. Извини.

– Бог простит. Только ведь под лежащий камень... сам знаешь.

– Знаю, знаю. Я и то знаю, что всяк сверчок должен знать свой шесток. А потому не обижаюсь.

– Не ври, обижаешься, – вдруг прогудел Семеныч. – Ты, Вадька, брось это. Я вашего брата столько перевидал... В нашем деле соображать надо, а потом уж руками-ногами работать. А не наоборот. Вот.

От кладбища они повернули направо. Можно было бы проехать и прямо. Так быстрее, но водитель вовремя заметил появившуюся из-за поворота траурную процессию. Это были уже пятые похороны за это утро. Люди шли пешком от церкви мимо выбеленных вчерашним снегопадом сосен и невысоких елей прямо по проезжей части. Но ни автомобильных сигналов, ни недовольных выкриков не было слышно. «Перед лицом неминуемого смиряются даже самые буйные», – подумал мимолетно Ким. Он давно обратил внимание на такую особенность своих сограждан, на необыкновенно мирную и спокойную атмосферу этих мест. И все же...

Если бы на месте Семеныча был кто другой, Ким, не раздумывая, заставил бы его прикусить язык. Но Федор Семенович был легендой областного уголовного розыска, человеком, одно имя которого лет двадцать назад нагоняло страх на тех, кто так или иначе конфликтовал с законом. Из его тела за годы работы в милиции врачи извлекли две пули, ему трижды вливали донорскую кровь после ножевых ранений. Семеныч обычно в чужие разговоры не вступал, но уж если что-то говорил, то к нему было принято прислушиваться.

– Приехали, – водитель резко затормозил у крайнего подъезда пятиэтажного серого здания, протянувшегося чуть ли не на весь переулок. Впереди, на противоположной стороне улицы стоял дежурный ПАЗик управления, а перед ним машина «Скорой помощи». Редкие прохожие, шедшие по переулку, замедляли шаги, пытались разглядеть, что происходит в темной глубине за распахнутыми настежь дверями подъезда. Человек десять наблюдали с противоположного тротуара.

У подъезда стоял невысокий сухощавый сержант. Ладно сидящая на нем, перетянутая португеей шинель была местами слегка потерта. Шапка тоже не блистала новизной. Чувствовалось, что в отличие от сотрудников уголовного розыска он постоянно ходит в форме.

– Сержант Стрельников, охраняю место происшествия, – отдав честь, представился он. – Сюда, пожалуйста.

Они вошли в подъезд. Ким невольно улыбнулся: «Надо же, «пожалуйста»! Где только слов таких старомодных набрался»?

По тому, как сержант доложил, зачем он здесь находится, Ким догадался, что, Стрельников, хотя и не новичок в милиции, ему впервые довелось иметь дело с подобным преступлением. «Хорошо бы и в последний», – подумал Логвинов.

– Вот здесь произошло убийство, – показал сержант на дверь на лестничной площадке первого этажа. – Там еще эксперт-криминалист. И врач.

– Как вас зовут? – спросил сержанта Ким. Он всегда ощущал неудобство, разговаривая с человеком и не зная его имени.

– Витя, – растерянно произнес, не ожидая такого простого вопроса. Он смутился и тут же поправился:

– То есть Виктор, сержант Стрельников.

– И что же будем делать, сержант Виктор Стрельников?

– Я... – он посмотрел на хмурого человека, стоящего рядом с Кимом, и окончательно смутился. – Не знаю.

– Как это «не знаю»? – придав лицу выражение крайней строгости, спросил Ким. – Надо для начала проверить у нас документы. Мало ли кто зайдет.

Он предъявил сержанту удостоверение и задал очередной вопрос:

– Кто из районного отдела здесь был?

Беседуя с сержантом, Ким тем временем внимательно осматривался и прислушивался. На лестничную площадку выходили четыре двери. Одна, на которую указал сержант, была чуть приоткрыта, другие закрыты. За одной из них, под четвертым номером, в какой-то момент он различил легкий шорох.

– Все были, – подумав, ответил Стрельников. – Начальник отдела, оперуполномоченный уголовного розыска, участковый.

– Я спрашиваю, кто первый?

Сержант опять смутился, почувствовав раздражение в голосе Кима.

– Участковый, старший лейтенант Карзанян. Он и в прокуратуру звонил, и в райотдел. Карзанян прямо отсюда поехал в райотдел.

– Ясно, – коротко ответил Логвинов.

В прихожей, головой к двери, уткнувшись лицом в пол, лежал человек в старомодном пиджаке и желтых ботинках с галошами. На правом виске темнело пятно запекшейся крови. Рядом стоял эксперт из криминалистического отдела управления Карамышев.

– Я закончил, Ким Климыч, – поздоровавшись с Логвиновым и Сычевым, бодро, будто каждый день выезжал на трупы, заявил он. – Версия такая: ударили его сзади чем-то вроде металлического прута, когда он открывал дверь. Втолкнули в прихожую. Дверь захлопнули.

– Это ты следователю расскажи, когда приедет. Ему нужнее.

– А она уже была. Составила протокол осмотра места происшествия и укатила. Велела тебе к ней ехать, как появишься.

– У меня тоже все, – выходя из кухни, где он мыл руки, добавил судмедэксперт. – Можно забирать тело?

– Когда произошла смерть?

– Часов двадцать—двадцать пять назад. Точнее скажу после вскрытия. К вечеру дам заключение. Думаю, ничего нового не добавлю.

– Вадь, ты в отдел или со мной? – спросил Ким.

– Куда нам убийства раскрывать! – ответил Сычев. – Нам бы чего попроще. Поеду в район, за семь верст киселя хлебать. В Костине корова пропала. Вот это происшествие. Уголовный розыск района с ног сбился, помощи просят. Кстати, этот пулеглот твой, Семеныч, советовал мозгами работать. Вот ты и подумай, как старика в правый висок саданули, если замок с правой стороны двери, а рядом стена. Я про...

Он вдруг замолчал, увидев из кухни, куда они с Кимом вышли, чтобы не мешать установить носилки, как санитары перевернули тело на спину и, уложив, накрыли простыней. Вадим покачнулся, зубы сжались от резкой боли в затылке, будто голова его попала в тиски, а сердце на долю секунду остановилось. К горлу подступила тошнота. При взгляде на товарища у Кима мелькнула мысль, что у врача должен быть нашатырный спирт. Но Сычев уже справился с собой, и Логвинов быстро отвернулся, делая вид, что не заметил его минутной слабости. Стоявший неподалеку сержант Стрельников с каменным выражением на лице проводил взглядом санитаров. По его внешнему виду нельзя было понять, как он относится к происходящему. «Ну и выдержка у парня! – восхитился Ким. – Держится так будто каждый день с трупами общается. А, ведь, сказал, что в первый раз».

Оставив Стрельникова в прихожей, Ким вошел в комнату старика, которому, как он успел заметить, было не меньше восьмидесяти пяти. Судя по всему, был он не только стар и дряхл, но и одинок. Время тут словно остановилось с полсотни лет тому назад. Некогда просторное помещение было так плотно заставлено тяжеловесной, темного дуба мебелью, что между отдельными предметами вряд ли удалось бы просунуть даже лист бумаги. Все свободное пространство над придвинутыми к стенам буфетом, шкафом, столом, кроватью, какими-то этажерками и тумбочками занимали самодельные полки с книгами.

В неуютной комнате с обоями, давно утратившими и цвет, и рисунок, было сумрачно. Из-за зашторенного окна, выходящего на улицу, хорошо слышался шум проезжавших мимо машин. Гнетущее впечатление усиливал запах бумажной пыли и еще чего-то такого, чем обычно пахнет жилье старых людей.

Над дверью комнаты Ким с трудом разобрал позеленевшую от времени надпись на черной доске, исполненную, видимо, медной проволокой:

Молчат гробницы, мумии и кости,

Лишь слову жизнь дана;

Из древней тьмы, на мировом погосте

Звучат лишь письма.

Пробежав еще раз взглядом по корешкам книг, Ким подумал, что, коль скоро старик уже ничего не скажет, пусть звучат письма.

Логвинов несколько раз прошелся от двери парадного к квартире старика и обратно, внимательно глядя себе под ноги. Поговорил с пожилой женщиной, живущей в квартире напротив, откуда он уловил шорох, опросил других соседей. Никто ничего не видел, не слышал, не знал и вроде бы и знать не хотел. Люди выслушивали его с нескрываемой неприязнью. Чувствовалось, что помогать милиции у них нет никакого желания. Трудно сказать, чего здесь было больше: страха или неверия в справедливость, в самую возможность того, что преступление будет раскрыто и виновные наказаны. Люди все больше и больше убеждались, в том числе и на собственных примерах: не закон и справедливость правят миром, а деньги и наличие властных полномочий. Когда то и дело становится известно о заказных убийствах и ни слова не говорится, как они раскрываются и раскрываются ли вообще, каждая непонятная смерть грозит невольным свидетелям терзаниями на допросах, постоянным ожиданием мести со стороны той самой мафии, которую никто не видел, но у которой, как всем хорошо известно, очень длинные руки. Мог ли Ким обижаться на своих застращенных телевизионными бандитскими сериалами сограждан? Не объяснишь же каждому, что делаются они исключительно на потребу живущим инстинктами и потому жадным до кровавых зрелищ дебилам, в которых пытаются, и не безуспешно, превратить все общество бандиты от телевидения.

Через два часа, заехав по дороге в прокуратуру и получив задание от следователя, вынесшего постановление о возбуждении уголовного дела, он был в управлении, в кабинете Смолянинова. Под глазами полковника набрякли мешки. Светлые блестящие глаза его, казалось, смотрели зло и подозрительно. Многие, кто близко не знал Дмитрия Григорьевича, недолюбливали Смолянинова. Человек он был замкнутый, неразговорчивый да к тому же еще и требовательный. Кое-кто считал, что за долгие годы сложной и опасной работы он очерствел душой и не видит за уголовными делами ни людей, ни жизни, бурлящей вокруг него. Смолянинова мало кто заставал в хорошем настроении. Постоянная смена руководства, новые веяния в кадровой политике органов внутренних дел, день ото дня возрастающие требования, постоянные усиления то в связи с выборами, то – митингами, то приездом какого-нибудь очередного краснбая из областной Думы – все эти события, к которым уголовный розыск не имел и не мог иметь никакого отношения, но тем не менее задействовался для обеспечения безопасности высокопоставленных особ, заставляли начальника отдела все дольше и дольше задерживаться по вечерам в кабинете. Его редко встречали в коридорах, хотя он и не был чисто кабинетным работником. Дмитрий Григорьевич с удовольствием размялся бы, выехав в район, чтобы на месте помочь местным сыщикам, но к нему постоянно кто-нибудь приходил. Не выносивший долгих совещаний, Смолянинов любил говорить со своими подчиненными с глазу на глаз: до шести – о делах, после – о чем угодно. Впрочем, это «о чем угодно» все равно было о делах.

Начальник встретил Кима гримасой, которая заменяла ему извиняющуюся улыбку. Мало кому из оперативников доводилось замечать ее на лице своего руководителя. Но сейчас случай был исключительный: Смолянинов чувствовал себя виноватым перед Кимом, вызвав его с поминок. Он был на голову ниже Логвинова, но куда крепче и гораздо шире в плечах. Ким, по давно заведенному правилу, без приглашения сел за столик, приставленный к большому тяже-

лому столу, по старинке покрытому зеленым сукном. Все знали, что полковник не любит разговаривать с возвышающимся над ним посетителем. Во время несколько затянувшейся паузы Ким обратил внимание, насколько обстановка кабинета начальника отдела не соответствовала представлениям об интерьере офиса современного руководителя. Все здесь, вся обстановка, включая громоздкие стулья и шкафы, напоминало комнату погибшего старика, в которой Ким был только что. Исключение составлял разве только компьютер, монитор которого нелепо громоздился на зеленом покрытии стола. На зависть своим молодым сотрудникам полковник быстро его освоил и теперь, избавившись от многочисленных картотек и блокнотов, не представлял, как обходился без него предыдущие тридцать лет.

Да и самого Кима в этом кабинете можно было принять за случайного человека. На нем превосходно сидел темно-серый бельгийский костюм-тройка. Из обшлагов рукавов тонюсенькой, не толще спички, полоской выглядывали твердые, даже на взгляд, рукава сорочки. Завершался туалет умопомрачительным галстуком, который в меру туго перехватывал ворот. Темно-красный, в слегка мерцающую крапинку, он удивительно гармонировал с серым костюмом и делал хозяина очень нарядным, не лишая его в тоже время внушительности. Даже не столько нарядным, сколько солидным. Где бы Ким ни появлялся, его принимали за одного из преуспевающих бизнесменов новой нарождающейся волны, отличающихся от быдловатых «новых русских» изящными манерами и образованностью.

Он держал в длинных крепких пальцах крошечную металлическую шариковую ручку, которой делал пометки в таком же крохотном блокноте. Тоненькую, казенного вида папочку он положил перед собой.

– Давай, Ким, коротко и конкретно. Убийство?

– Может быть.

– Что значит «может быть»? Да или нет?

– Пострадавшего могли ударить...

– Сычев считает, что не могли.

– Наш пострел и тут поспел, – усмехнулся Ким. – Он же в Костино собирался ехать.

– Чего ему там делать? Вчера вечером оттуда вернулся. Я ему только что велел позвонить в Пролетарский райотдел, чтобы участкового Карзаняна к тебе прислали. Будете вместе работать по этому делу. Так ты считаешь, что это не убийство?

– Вполне возможно. Там действительно справа стена. Если предположить, что удар был нанесен в тот момент, когда старик открывал дверь, то стена и впрямь могла помешать. Но его могли и повернуть за плечо. Развернуть.

– Стоило ли так мудрить? Куда проще: стукнул, взял что хотел и бежать.

– Вот и я так было решил. Но на лестнице у самой площадки первого этажа в одном месте сломана почти у основания одна из опор перил. На торчащем штыре пятна. Я доложил следователю. Старик мог, поднимаясь по лестнице, упасть.

– Мог, конечно, – медленно произнес, вставая со стула, Смолянинов. Он любил рассуждать, шагая по кабинету, и сотрудникам приходилось беседовать с ним, то и дело поворачиваясь.

– Ты вот что, Ким Климыч, – остановился перед Логвиновым полковник, – сегодня же выясни все подробности о личности потерпевшего. Образ жизни, знакомства, ну и так далее. Что за соседи, откуда приехали? Особое внимание тем, кто купил квартиры в доме в последнее время. Да про коммерсантов не забудь, которые помещения в том доме снимают. Чтобы время не упустить и потом не ахать, и не разводить руками. Лучше быть плохим поэтом, чем посредственным сыщиком. На графоманов прокурору не жалуются. Не тебе объяснять...

Ким с удивлением смотрел на внезапно замолчавшего начальника, редко произносящего азбучные истины. Он чувствовал, что Смолянинов не просто озабочен происшествием. Его беспокоит еще что-то, о чем он почему-то умалчивает. И потому говорит не то, о чем думает.

– Старик был одинок, – воспользовавшись паузой, сказал Логвинов. – Соседка из квартиры напротив часто к нему заходила. Убирала в комнате, иногда готовила.

– Давай-ка подробнее, – прервал его Смолянинов. – Мне начальник райотдела в двух словах доложил.

Ким пожал плечами и достал из папки копию протокола, составленного следователем Медведевой. Он уже не надеялся постичь до конца логику поступков своего начальника. Подумаешь, событие! Будто старики никогда раньше не помирали. Теща тоже, казалось, будет всегда. А вот, раз – и все: insult. С чего бы полковнику вызывать его с похорон, если о происшествии ему известно лишь понаслышке?

– «Около восьми часов утра, – начал читать Ким, – гражданка Сизова Мария Степановна, проживающая по адресу: Петропавловский переулок, дом 7, квартира 4, вышла из своей квартиры, чтобы пойти в магазин. За дверью квартиры номер 1 раздался громкий лай собаки, который Сизова слышала уже давно, примерно с шести часов утра, как проснулась. Но не обращала на него внимания. Вернувшись из магазина примерно в 9.10, Сизова позвонила в квартиру соседа. Примерно в это время она обычно убирает у него. На звонок никто не отозвался. Собака по-прежнему лаяла. Тогда Сизова решила воспользоваться ключом, который, по ее словам, сосед дал ей года два назад. Едва женщина открыла дверь, собака бросилась из квартиры прямо ей под ноги. На полу лежал хозяин квартиры. Сизова подумала, что сосед без сознания, хотела ему помочь, попыталась поднять. И поняла, что тот мертв. Она тут же позвонила участковому». Кстати, Дмитрий Григорьевич, этот самый старший лейтенант Карзанын в последнее время, как сообщила соседка, часто приходил по вызову пострадавшего.

– Многое она, однако, знает, – усмехнулся полковник.

– Прелюбопытная старушка. Стул ставит у двери, чтобы сидя разглядывать в замочную скважину, что делается на площадке. Летом она, наверное, с утра до ночи у подъезда на лавочке сидит, судача с такими же бабулями, обсуждая жильцов. А захламляет – куда денешься? Вот и просиживает целыми днями у двери.

– Это она тебе сказала, что старик упал, поднимаясь по лестнице?

– Она шум слышала, да еще как старик охал.

– Значит, никого не видела, кто бы мог его ударить.

– То-то и оно. Наверное, видела.

– Кого же?

– Молчит. То ли боится сказать, то ли еще что. По ее словам, как только старик подошел к своей двери, у нее в комнате зазвонил телефон. Снять трубку она не успела: звонки прекратились. А когда опять заглянула в глазок, у двери стоял какой-то человек. Как выглядел, не разобрала. Хитрит, по-моему. Там яркая лампочка сутками светит. Ватт на сто. Из ее квартиры вся площадка – как на ладони.

Смолянинов обошел стол, открыл сейф и, достав из него тоненькую папку, сел.

– Ну вот что, друг любезный. Отложи-ка пока другие дела и займись этим происшествием. У тебя что еще?

– Квартирная мошенница.

– Ладно, подождет. Никуда она не денется. Несчастливым случаем, по-моему, тут и не пахнет. Я потому тебя и вызвал. Не обижайся. Старик этот – Ревзин, и зовут его, как ты мне забыл сообщить, Григорий Иосифович. Так?

Ким утвердительно кивнул. Он почувствовал, что сейчас Смолянинов размажет его по стенке со всеми его версиями и предположениями. И не ошибся.

– Этот гражданин Ревзин был вчера вечером у меня. Сидел на том же стуле, где сидишь ты сейчас. И чувствовал он себя, как мне показалось, совсем неплохо. Тебя это не настораживает? Я собирался поручить тебе проверку его заявления. На-ка, почитай, что он сообщает, а заодно и запись нашей беседы.

2

Старик второй день почти не поднимался из кресла – ноги не слушались. Днем он не мог заснуть из-за уличного шума, а по ночам его донимали одни и те же кошмары. Едва удавалось задремать, как перед глазами появлялись великаны в мохнатых шапках, которые вытаскивали его из квартиры и волокли куда-то вверх по широким каменным лестницам. Потом он видел себя в просторных, переходящих один в другой залах сказочного дворца. Стены были заставлены шкафами, инкрустированными пластинками из золота, перламутра и слоновой кости, в которых виднелись корешки старинных книг, и, хотя старик не успевал их как следует разглядеть, он был уверен, что здесь собрано лучшее из всего написанного человечеством, и причем только оригиналы, раритеты, которыми никто и никогда не пользовался.

Он отчаянно сопротивлялся, пытаясь задержаться и прочесть названия книг. Но ничего не получалось: неведомые великаны все тащили и тащили его куда-то. Потом все вокруг вспыхивало. От яростного, беспощадного огня беззвучно разваливались шкафы, книги потоком вытекали из них, раскрывались и тут же воспламенялись. Листы чернели на глазах, скручивались и исчезали в пламени...

В то утро Ревзин очнулся от ставших уже привычными кошмаров, едва холодное мартовское солнце заглянуло в его захламленную комнату. Оно, словно делая одолжение, осветило обломанный угол огромного старинного резного буфета, где на разнокалиберных полках и полочках хранились многочисленные кисточки, баночки с давно высохшим клеем и лаком, лоскутки кожи, обрезки разноцветной фольги и прочие материалы, которыми он когда-то пользовался, восстанавливая старые книги. Затем лучи солнца ткнулись в угол, заваленный всякой рухлядью. Ровно через четверть часа солнце скрылось за высоким зданием, недавно поднявшимся напротив окна.

В комнате снова потемнело до того, что исчезло ощущение потолка. Старик, что-то бормоча, смотрел в окно, не обращая внимания на вертевшегося у ног и поскуливавшего Фавника – мелкого старого пса неопределенной породы, длинные, по собачьим меркам, годы носившего иронично-величавое имя мифологического божества. Через несколько минут Ревзин вновь опустился в кресло, вытянул короткие неимоверно исхудавшие ноги, откинулся на подушку и закрыл глаза. Кожа на лице чуть разгладилась, теперь он выглядел немного моложе своих восьмидесяти двух, помноженных на давнюю гипертонию и непреходящее недовольство. Он хотел немного забыться, но не мог отвлечься от раздражающей мысли о многоэтажном доме, загородившем от него жизнь за окном. А другой у него уже не было.

Пока был прежний заведующий реставрационной мастерской, старик Ревзин никому не мешал. На всех больших собраниях начальник областного управления культуры ставил его в пример. А после того, как заведующего уволили, и мастерская попала в руки невесть откуда взявшегося пройдохи с незаконченным начальным образованием, старый реставратор перестал устраивать ее хозяина. Теперь все делалось быстро: в мгновение ока принимались и выполнялись заказы, обычно с нарушением элементарных требований технологии. Никто со стариком уже не советовался. Он по-прежнему работал тщательно, не спеша, как говорили в мастерской, мотал часы на минуты. Не сразу старый мастер понял, что его время давно прошло, и держат его на работе только из жалости.

Но и на улице, и во дворе ему не было места, как и больному Фавнику, не отходившему от хозяина и испуганно жавшемуся к его ногам, когда к ним приближались прохожие. Во дворе старика донимали пришельцы из какой-то дикой, непонятной цивилизации – неопрятные, шумные, визгливые великорослые парни и девушки из соседних домов, не выпускавшие из рук бутылки с пивом. Прежде, реже выходя из дому, он их как-то не замечал. Но после того, как соседка со второго этажа переехала к сыну и оставила на его попечение собаку, с

которой приходилось гулять утром и вечером, Ревзин впервые столкнулся с этой беснующейся безжалостной братией. Он несколько раз жаловался участковому, но тому, видно, дела не было до старика. И он решил, что не пойдет в милицию, даже если узнает, что эти коронованные сальными копнами волос владыки двора собираются взорвать его старый дом вместе со всеми жильцами.

Ну и пусть их! Не случись того, что мучило его последние дни, он так и не собрался бы в милицию. Но происшедшее к дворовым подросткам не относится. Это серьезнее его личных обид. «Если я не сделаю этого, – думал Ревзин, – испугаюсь, как боялся всю жизнь, значит, пустыми были все мои усилия доказать самому себе, что я все-таки честный человек». Вчера он еще колебался, но сегодня пойдет прямо к самому большому начальнику.

К старику опять вернулся страх: на этот раз не оставишь просто так заявление и не уйдешь, убеждая самого себя, что долг свой выполнил полностью. Придется разговаривать, и, значит, кто-то полезет в душу, в саму жизнь, тщательно оберегаемую от чужих глаз. Но он понимал, что другой возможности хоть как-то загладить свою давнишнюю вину может и не представиться.

После полудня подморозило. Ледяные колдобины, покрывшие асфальт, округлились, стали скользкими. Идти приходилось осторожно, ощупывая ботинками в галошах дорогу. Даже клюка крепко, насколько возможно, зажатая в правой руке, не служила надежной опорой. В мешковато сидящем длинном пальто, пережившем не один пируэт многоликой моды, старик Ревзин выглядел нелепо в многолюдном центре города. Он брел в пестром потоке людей, странный и нелепый, словно был выходцем из тех времен, когда по мостовой катили извозчики и воздух не отравлялся запахом бензинового перегара, не мельтешило в глазах от мелькающей рекламы неведь чего и ярких вывесок, под которыми толпились бритоголовые парни, не отнимавшие от уха мобильники.

В холле первого этажа областного управления внутренних дел за двустворчатой, тяжелой, коричневого казенного цвета дверью после свежего морозного воздуха Ревзину сразу стало душно, застучало в висках. Но этой жары и запаха новых овчинных полушубков, в которые были одеты сгрудившиеся у выхода молодые милиционеры, никто, кроме него, не замечал. Старик снял шапку.

– Вам что, папаша? – заметил его постовой, – коротко стриженный старшина в новеньком кителе и такой же новенькой фуражке с красным околышем. Все в нем, от форменной с иголочки одежды до тона вопроса, показалось старику воплощением холодной официальности и надменности.

Он было открыл рот, чтобы ответить, но тут гулко хлопнула входная дверь. Ревзин вздрогнул и обернулся. Вошедший, не посмотрев в его сторону, предъявил постовому удостоверение и взбежал по лестнице, ведущей на второй этаж.

– Прошу прощения, – повернулся старик к старшине, – я должен поговорить с кем-нибудь из начальства.

– Если у вас заявление, лучше передайте в приемную, за углом направо. Или мне. Моя фамилия Ключев.

Ревзин с недоверием посмотрел на старшину, затем на снова хлопнувшую дверь и принялся устраивать на голове свою бесформенную шапку, которую до этого мямлял в руке.

– В приемной я уже бывал не раз. Все без толку.

– Вы напрасно обижаетесь, гражданин. Таков порядок. Что вы хотите сообщить? – спросил постовой.

Старик неуверенно потоптался на месте, затем вновь снял шапку, переложил в левую руку клюку, а правую глубоко засунул во внутренний карман пальто. Все так же нерешительно поглядывая на старшину, он извлек из недр кармана аккуратно сложенный листок.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – предложил старшина, пробегая глазами написанное. – Скажите, гражданин Ревзин, вы кому-нибудь рассказывали об этом?

Старик, успевший сгорбиться на одном из стульев, что длинным рядом тянулись вдоль стены, покачал головой.

– Нет. Мне до сих пор страшно.

– Минутку подождите. Я доложу.

Старик с горькой усмешкой взглянул на старшину. Глаза его будто насмехались: «Вот видишь, я был прав. Не твоего это молодого ума дело. Зелен ты еще, петушок – красный гребешок».

Через несколько минут после того, как постовой куда-то позвонил и сообщил о необычном посетителе, за Ревзиным спустилась какая-то девушка и проводила его на третий этаж.

Едва старик вошел в кабинет, Смолянинов сразу узнал в нем человека, которого частенько встречал поздними вечерами около Петропавловского переулка по дороге с работы, когда тот прогуливал дрожащую всем тельцем крохотную собачонку.

Ревзин, редко поднимавший глаза во время прогулок, однако тоже узнал полковника. Даже издали строгая и осанистая фигура Смолянинова вызывала у него ощущение дискомфорта и досады, как попавшие за ворот короткие волоски после стрижки. Сейчас, увидев полковника вблизи, старик подумал, что хозяин кабинета непременно обругает его последними словами и вышвырнет в коридор. Но ошибся.

То и дело поглядывая на посетителя, которому, поздоровавшись, он предложил стул, Смолянинов внимательно прочитал заявление. Старик надеялся, что этим все и обойдется и его отпустят с миром. Но по тому, как Смолянинов посмотрел на него, оторвав взгляд от бумаги, понял, что предстоит долгий и, возможно, неприятный разговор.

– Расскажите все с самого начала, – как можно мягче предложил полковник, поняв состояние собеседника. – И, пожалуйста, поподробнее.

Несколько секунд старик молчал, собираясь с мыслями. Наконец заговорил. Сначала тихо, глядя куда-то под ноги. Но с каждой минутой он чувствовал себя все увереннее, говорил все громче, распаляясь и перескакивая с одного на другое. В голосе его, иногда срывавшемся на дискант, появились обида и горечь.

Ему и в самом деле было на что сетовать. С ним обошлись по-хамски. Но он не беззащитный и бессловесный Фавник, с которым можно делать что угодно. Он человек, и пусть теперь этим делом занимаются люди, которые обязаны охранять человека. Он такой же гражданин, как и все, и имеет право на защиту.

Ревзин рассказал, что два дня назад, во вторник, вечером, как всегда, около девяти он собрался на прогулку. Радостно повизгивая и нетерпеливо перебирая лапками, Фавник прыгал перед дверью, ведущей на улицу. Сверху кто-то быстро спускался. Старик не обратил на него внимания, даже не повернулся. Вот уже несколько лет все квартиры на последнем, верхнем этаже подъезда были сданы под офисы, и туда постоянно с утра и до поздней ночи шастали какие-то люди, которые никогда с ним не здоровались. Он хотел пропустить спешившего, взял собаку на руки. Но догнавший его человек открыл перед ним дверь и вежливо предложил пройти вперед. Старик оказался на улице. Кто-то, видимо, поджидавший около двери снаружи, взял его под руку и, ни слова не говоря, повел к машине, которая стояла у подъезда. Второй человек, пропустивший его в дверях, взял у него из рук собаку, привязал поводок к дверной ручке и подхватил Ревзина под руку с другой стороны. От растерянности и испуга старик не мог ни вырываться, ни звать на помощь. Он только поворачивал голову из стороны в сторону и сдавленным полупшепотом все спрашивал: «Куда? Зачем?»

Так и не придя в себя от удивления, Ревзин оказался на заднем сиденье машины...

До этого момента Смолянинов делал короткие записи на бумаге, но здесь, с согласия посетителя, включил магнитофон.

– Только поехали, – продолжал старик, немного успокоившись, – один из этих людей, тот, который сел рядом со мной, снял с моей головы шапку и закрыл мне глаза.

– Вы видели, встречали кого-нибудь из них раньше? – спросил Смолянинов, воспользовавшись передышкой рассказчика.

Ревзин недоуменно взглянул на него и продолжал, будто не слышал вопроса:

– Я ничего не понимал. Зачем? Куда меня везут? Если в милицию на допрос, если понадобилось что-то дополнительно выяснить или нужны еще какие-то письменные показания, то можно прислать повестку. Я бы и сам пришел. Но зачем насилие? Я был мальчишкой, когда вот так же ночью увезли моего отца, потом мать и старшего брата. Я хорошо помню. А вдруг меня с кем-то спутали и хотят убить? Понимаете? Ведь так бывает, я читал. Ошибка. Врагов у меня нет, денег – тоже. Выкупа за меня платить некому. Я уже ничего не спрашивал. Не мог. Они мне не только глаза закрыли, но и рот, все лицо. Дышать и то было трудно. Я не видел, куда мы ехали, вообще ничего не видел. Все равно вы спросите, куда меня везли. Знаю только, что ехали долго, но из города не выезжали. То и дело останавливались, куда-то поворачивали. Но все время вокруг были машины. Потом остановились совсем. Те двое вытащили меня на улицу. В подъезде сняли шапку с лица, и повели вверх по лестнице. Кто-то открыл нам дверь на третьем этаже, и мы очутились в темной прихожей. Меня втокнули в комнату...

Смолянинов молча, чтобы не прерывать собеседника, протянул руку к рабочему блоку и быстро написал: «Проверить рассмотрение предыдущего заявления Ревзина» – и одновременно отметил про себя, что ему не приходится ни останавливать старика, ни направлять его рассказ в нужное русло. Чувствовалось, что он готовился к этому разговору. Наблюдательности его можно было позавидовать.

– В той комнате, – продолжал посетитель, – под потолком висела огромная яркая люстра, посередине стоял большой круглый стол, покрытый толстой скатертью, стулья. Роскошный диван, телевизор. За столом сидел человек лет пятидесяти, может, немного больше. Те двое ушли. Мужчина встал, подошел ко мне. Знаете, что он сказал? Он попросил у меня прощения, усадил за стол. «Извините, – говорит, – Григорий Иосифович, но у нас не было другого выхода. Тысяча извинений». И, понимаете, я молчал. Что вы сделали бы на моем месте? Кричали? Вырывались? Я был как под гипнозом. Этот человек глядел на меня добрыми глазами, но мне казалось, что за спиной он держит плетень. У меня было такое ощущение, что, скажи я сейчас хоть что-нибудь, он меня ударит. Так он смотрел.

– Кто-нибудь еще был в комнате?

– Нет, только он и я.

– А на столе вы не заметили никаких предметов?

– Нет же, на столе ничего не было, только очень плотная, расшитая металлической нитью бордовая плюшевая скатерть с кистями. Мужчина предложил мне чаю. Я, конечно, отказался. Представляете? Насильно притащили меня не известно куда, да еще угощают чаем!

– Что же было дальше, Григорий Иосифович? – остановил поток возмущений полковник.

– Да-да, я уже заканчиваю. Когда мужчина повернулся ко мне спиной, я удивился, что в руках у него ничего нет, никакой плетки. Хотя одна рука, по-моему, правая, так и оставалась у него за спиной. Человек подошел к резному шкафу, повернул ключ. За дверцами оказались полки с книгами. Да, я ведь не сказал вам, что когда-то был реставратором. Моя, если можно так выразиться, специальность – старинные книги, рукописные и печатные. Одним словом, врачеватель литературного наследия прошлого. Через мои руки прошли уникальные издания. Меня в Ленинград вызывали, даже в Москву, в Центральную историческую библиотеку. Я работал с «Апостолом» Ивана Федорова...

– Так что за книги были в том шкафу? – прервал Ревзина полковник.

– Скажите, – вместо ответа спросил старик, – вы представляете, что такое в наше время обнаружить рукописную книгу?

– Понятия не имею, – откровенно улыбнулся Смолянинов. – Это, наверное, здорово.

Его все больше и больше занимала эта история. Полковник вспомнил когда-то попавшую ему на глаза заметку в газете о том, как в хранилище Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника обнаружили старопечатную книгу, которой оказалось триста лет. И называлась она тоже интересно – «Пища для раздумья». Тогда еще Смолянинова заинтересовало, о чем могли раздумывать далекие предки.

Об этом он и сказал Ревзину.

– «Брашно духовное», о которой вы говорите, – тут же подхватил старик, – младшая сестра «Остромирова Евангелия» – древнейшей сохранившейся до наших дней рукописной книги. Она была переписана в Киеве дяком Григорием для новгородского посадника Остромира в 1057 году. Вы только представьте себе – девятьсот с лишним лет назад...

Старик совсем уже успокоился. Его давно никто не принимал всерьез, даже отошедшие от него ученики. А этот суровый человек слушает, и даже, кажется, с интересом.

– Нет, вы только представьте себе! Судя по тому, что «Остромирово Евангелие» украшено красочными заставками, даже цветными миниатюрами, оно – далеко не первая книга. Ей предшествовали другие, еще более древние. А летописи! Эти погодные записи выдающихся исторических событий жизни народа! Это же кладезь мудрости, сама история! Про «Слово о полку Игореве» и говорить нечего – классика древности. Но сохранилась-то она в единственном экземпляре. Не обнаружь ее Мусин-Пушкин, пропала бы! А сколько все-таки пропало! Бог ты мой! Я держал вот в этих руках, – старик протянул Смолянинову свои морщинистые, дрожащие ладони, – немало древних книг, оплывших воском, со следами огня на переплетах и обрезах. А знаете ли вы, что случалось с книгами, уцелевшими от пожаров! Они гибли от плохого хранения, мокли и гнили в подвалах, поедались насекомыми и мышами. Много ценных книг было расхищено. Особенно в период нашествия татаро-монголов. Полчища хана Батыя разграбили и сожгли ценнейшие книжные собрания, накопленные в течение веков.

Смолянинов посмотрел на часы. Разговор продолжался уже второй час, а до сути дела они пока не добрались. На шесть его вызвал начальник управления.

Ревзин заметил жест полковника и заторопился.

– Понимаю, я отнимаю у вас время. Я сейчас уже заканчиваю. Так вот, в XV веке было положено начало печатанию славянских книг кириллическим шрифтом. Первые славянские инкунабулы – «колыбельные книги», сходные по оформлению с рукописными, были выпущены в Кракове, в типографии Швайкольта Феоля. Группа инкунабул, изданных этим Феолем, состоит из четырех богослужебных книг «Осьмигласника» и «Часослаца», относящихся к 1491 году, «Триоди постной» и «Триоди цветной», которые не имеют дат. По некоторым литературным источникам известна также «Псалтырь», выпущенная в 1491 году. Но книга эта до сих пор не была обнаружена. Так вот, тот человек достал из шкафа не что иное, как «Псалтырь» 1491 года.

– Вы не ошибаетесь? – Смолянинов не на шутку удивился и сейчас, вопреки обыкновению, не скрывал этого. Разговор принимал серьезный оборот. Полковник был далек от того, чтобы разделять восхищение своего собеседника рукописными раритетами. Он их и не видел никогда, да и слышал о них так подробно впервые в жизни. Но он знал, какая в криминальном мире идет безжалостная кровавая охота за историческими и культурными отечественными ценностями и каким бешеным спросом пользуются они за границей. Редкая неделя проходила без того, чтобы из МВД не поступила очередная ориентировка на пропавшие иконы, похищенные из музеев ювелирные изделия прошлых веков. А вот теперь еще и старинные книги. История, которую он поначалу посчитал плодом больного воображения старого человека, обрастала реальными фактами и принимала конкретные черты. – Вы уверены, Григорий Иосифович, что это была та самая уникальная книга?

– Конечно, уверен, иначе не пришел бы сюда. Специалисты отмечают следующие особенности издания Феола: рисунок шрифта очень близок к полууставному письму славянских рукописей, написание некоторых букв имеет характерное отличие от всех других шрифтов, печать выполнена в две краски, орнаментовка гравировальная. Согласитесь, тут трудно ошибиться.

Полковника Смолянинова мало интересовали эти профессиональные премудрости. Его беспокоило другое.

– А еще? Он вам показал еще какие-нибудь книги?

– Нет, я только мельком видел содержимое шкафа. Это, конечно, не образцы каролингского минускула, но издания почтеннейшие. До таких книг и дотрагиваться – то боязно. Они должны храниться в специальных сейфах, где поддерживается постоянная влажность и температура. Их обычно обслуживает целый штат специалистов. Это же национальное достояние! И вдруг эти уникалы в обыкновенной квартире, в обыкновенном шкафу, не известно, в чьих руках! Можете понять мое тогдашнее состояние? Я на какое-то время даже забыл, где нахожусь, как сюда попал. Глядел и не мог глаз отвести. Хозяин меня спросил, настоящая ли эта «Псалтырь», не подделка ли. Я удивился. Неужели он не знает, что у него хранится? Но я не подал вида, ответил, что, по-моему, книга настоящая, но окончательно может решить только специальная проверка. Он молча убрал книгу обратно в шкаф. Вот и все. – Ревзин потер лоб, будто пытаясь разгладить морщины. – Хотя нет. Мужчина протянул мне деньги. Сказал, что это – мой гонорар. Сто американских долларов. Я отказался. Тогда он сунул купюру в карман моего пальто. Вот она. – Старик достал ассигнацию и положил на стол перед Смоляниновым.

После того, как вышел сотрудник, оформивший сдачу денег, полковник спросил:

– Что же было потом, Григорий Иосифович?

– Вошли те же люди, что привезли меня, в подъезде закрыли мне глаза шапкой и опять повели к машине. Отпустили около моего дома. Фавник так и ждал меня, привязанный к ручке двери подъезда.

– В котором часу вы вернулись домой, не помните?

– Около одиннадцати, наверное. Точнее не могу сказать, я был слишком взволнован, чтобы обратить на это внимание.

– Постарайтесь вспомнить, что за машина, в которой вас везли? В какую сторону от подъезда вы поехали? Как выглядели ваши спутники? Может, что-нибудь еще произошло по дороге или в той квартире?

– Если бы я еще что-нибудь запомнил... Ведь я готовился к этому разговору, – проворчал старик. – Разве что машина. Синяя и, по-моему, иностранная.

– Почему вы так решили?

Ревзин недоуменно посмотрел на полковника, задумался. Он и сам, видимо, не знал, отчего ему пришла в голову такая мысль.

– Не знаю. Возможно, ехали очень плавно... У нас в мастерской был «Жигули», меня иногда раньше подвозили до дома. В них так трясло. А здесь словно плыли, а не ехали. И двигатель не тархтел.

– А на голоса вы не обратили внимания? Может, кто-то из них заикался, картавил, шепелявил?

– Я же говорю, они ни слова не произнесли. Хотя нет. Как же я забыл? Когда выходили из машины у моего дома, один из них тихо сказал: «Если кому стукнешь, в могиле найдем».

– Если услышите этот голос, сможете опознать?

– Вряд ли. Для меня важнее не то, как сказали, а что сказали. В моем положении это, согласитесь, большая разница. – Ревзин уже чувствовал себя совсем раскованно: никто не лез к нему в душу, не теребил многолетнюю ноющую рану. Значит, его письму, в котором он чисто-сердечно во всем раскаялся, поверили и решили не ворошить прошлого.

– Вы можете описать внешность людей, которые вас увозили? – спросил Смолянинов. – Сколько им лет, хотя бы примерно? Во что были одеты?

– Одеты обычно: один в дубленке, другой в кожаном пальто. Знаете, в таком длинном, почти до земли? Шарфы, шапки. Тот, что встретил меня в подъезде, высокий, много выше меня. Другой низкий и весь какой-то округлый. А возраст... Высокому лет под тридцать, второму – двадцать пять примерно. Внешность у них не запоминающаяся.

– А по дороге? По дороге вы ничего не заметили? – продолжал настаивать полковник.

– С шапкой на глазах много не увидишь. Да и не до того мне было.

– Хорошо, – поднялся Смолянинов. – Пока хватит. Большое спасибо, Григорий Иосифович, что пришли. Так, говорите, дорогие книги вы видели в той квартире?

– Я этого не говорил, – с усмешкой ответил старик. – Дело не в их стоимости. Только уверен, что видел единственный пока в мире экземпляр книги, представляющей не только большую художественную ценность. Однако... знаете ли, я сейчас подумал, что в подъезде, где находится та квартира, я когда-то очень давно уже был. Я, пожалуй, даже уверен, что был. Что-то там есть знакомое. Но что? – Он на несколько секунд задумался. – Нет, сейчас не могу вспомнить.

Смолянинов проводил старика до выхода из управления, посоветовал ему несколько дней без особой надобности не выходить на улицу.

– Очень прошу вас, Григорий Иосифович, если что-нибудь произойдет, ну такое, необычное, позвоните нам. Хорошо?

Старик кивнул и, положив в карман визитную карточку с номерами телефонов, побрел домой. Его переполняло чувство исполненного долга, он явственно ощущал собственную значимость. Был доволен собою, чего с ним давно не происходило.

Случайно оторвав взгляд от скользкого тротуара, Ревзин увидел идущего ему навстречу высокого молодого человека в темном пальто и меховой шапке с козырьком. Через мгновение старик узнал в нем нынешнего хозяина реставрационной мастерской Игоря Владимировича Казаченко. Деваться было некуда, пришлось поздороваться. Но Казаченко прошел мимо, не узнав старика. Ревзин облегченно вздохнул. Вымученная улыбка, расспросы о здоровье ему были вовсе не нужны. Хотя, вряд ли Казаченко стал бы интересоваться его здоровьем. Он ли это? Здесь, в это время... Да к тому же пешком! Хозяин передвигался только на черном, похожем на корабль «Джипе».

Свернув в свой переулок, Ревзин остановился передохнуть и инстинктивно оглянулся. Ему показалось, что за угол дома поспешно шагнул... тот же Казаченко. Не галлюцинация ли это? Страх обуял старика. Кровь ударила в виски. Он, что было сил, поспешил к своему подъезду.

3

Ким дважды прослушал запись разговора Смолянинова с Ревзиным и выключил магнитофон. Никаких интересных идей в голову не приходило. Он снял трубку телефона, позвонил домой. Светлана как будто ждала звонка, ответила сразу. Она не удивилась, узнав, что Киму придется задержаться на работе. Лишь вздохнула на прощанье.

Ким понимал, как ей горько и одиноко сейчас без него. Что родственники? Такие же больные старушки, что и покойница теща, которые больше горюют, задумываясь о своем уже недалеком будущем, чем оплакивая усопшую.

Он несколько раз позвонил в библиотеку, но в трубке упорно раздавались короткие гудки. Ким посмотрел на часы. Все, больше звонить бесполезно, библиотека скоро закроется. Не задался день, с самого утра все шло как-то наперекосяк. «Вот не везет, так не везет», – думал Ким, уставившись на телефон. Первое время он радовался, глядя на глянцевый, цвета слона-

вой кости с кнопчным набором аппарат, который ему поставили вместо старого и облезлого. Но со временем новая игрушка стала раздражать его своей показной красотой. Тем более что справочные службы после смены аппаратов лучше работать не стали. А с ними-то Киму чаще всего приходилось иметь дело.

Набрав номер библиотеки еще раз, наудачу, и услышав сигнал «занято», он принялся читать запрошенное из архива старое уголовное дело, связанное с валютными махинациями и спекуляцией антиквариатом. Еще в кабинете Смолянинова он вспомнил о нем, вспомнил, как сам принимал участие в розыске преступников. Точнее, будучи оперуполномоченным уголовного розыска одного из сельских районов, помогал тогдашнему заместителю начальника отдела подполковнику Смоляникову. С тех пор наверняка кто-то из осужденных уже освобовился. Может быть, удастся установить что-нибудь общее между нынешним происшествием и событиями многолетней давности?

На улице уже почти стемнело, когда Ким взялся за последний пятый том. В это время раздался телефонный звонок.

– Ким Климыч, – громко прогудел в трубке голос начальника экспертно-криминалистического отдела Величко. – Проснись, дружок.

Солидный возраст, огромный рост, раскатистый бас Величко как будто давали ему право говорить со всеми вот так – запанибрата. Хотя дело было скорее всего в том, что его в управлении уважали все без исключения. Начав участковым уполномоченным, он за свою почти тридцатилетнюю службу прошел все милицейские специальности и, наверное, поэтому хорошо понимал каждого. Ему не надо было объяснять, насколько срочная требуется экспертиза. Для него все работы были самыми срочными и важными.

– Проснись, дружок, – повторил Величко. – Судмедэксперт тебе сюрприз приготовил. Да и мои ребята постарались. Век благодарить будешь. Сам зайдешь, или подослать кого?

– Я сейчас спущусь, – быстро ответил Ким, понимая, что старику хочется поболтать, и поспешил положить трубку.

Максим Васильевич встретил его у входа в свой кабинет.

– Постой-ка тут пока. Пусть проветрится. – Панически боявшийся сквозняков, он не переносил духоты.

– Ребята поработали на славу, – гудел он, внимательно оглядывая Кима. Казалось, что глаза его живут какой-то отдельной самостоятельной жизнью. Ким не раз обращал внимание, как Величко, которого никто не видел в плохом настроении, мог грустить одними глазами.

– Акт экспертизы я отдал на машинку. Завтра утром заберу и все оформим как положено. Но сюрприз не в этом, хотя твои предположения оправдались: группа крови на штыре у перил, а это и в самом деле кровь, совпадает с группой крови потерпевшего. Так что убийство вроде бы исключается. Это все так, но только формально. Главное, что показало вскрытие. Ерунду показало. Вот, читай заключение. Редкий случай: то ли смерть в результате тяжелого телесного повреждения, то ли наоборот. Здорово, да?

Гигант смотрел на обескураженного Кима, а глаза его светились от удовольствия. Как будто было чему радоваться.

– Да ты не горюй. Считай, тебе повезло. У меня в жизни это только третий такой случай. Потерпевший, вот смотри, тут сказано, страдал гипертонией, у него было очень высокое давление. А еще погода по десять раз на день меняется туда-сюда. Поволновался старик, и вот, пожалуйста, – инсульт, кровоизлияние, значит, в мозг. И по данным районной поликлиники он страдал гипертонией. Все сходится. Упал, ударился. Как только до квартиры дополз – удивляюсь. Там на лестничной площадке от перил до квартиры затертые следы крови. За сутки сколько народу прошло по этому месту!

– А если наоборот?

– Наоборот, значит, удар ускорил смерть. Инсульт-то, можно сказать, уже состоялся. А что сначала, что потом – один бог ведает. Да и то вряд ли: разница – всего несколько секунд.

– Ускорил смерть, но не повлек ее? – уточнил Ким.

– В том-то и дело. Формально рассуждая, если ускорил, то в какой-то степени и повлек. В принципе неважно: на секунду или на несколько дней.

– Значит, убийство исключается в любом случае?

– А это уж тебе решать. Физико-техническая экспертиза подтверждает, что след от удара на голове полностью совпадает с формой штыря, от перил. А вот насчет того, сам он упал или его кто подтолкнул, я тебе ничего не скажу. Не знаю. Да ты чего в коридоре-то стоишь? – удивился Величко. – Проходи. Смотри, какую я штуку соорудил, фрамуга сама закрывается, только веревочку потяни.

Он хотел показать Логвинову, как закрывается фрамуга, с которой он воевал уже не один год, но Ким, вежливо отказавшись, пошел к лестнице.

– Надо проверить показания Ревзина, – категорично заявил Ким, кратко изложив полковнику разговор с Величко. – Слишком все это фантастично, что он говорил. У меня сложилось впечатление, что ему просто надо было излить кому-то душу.

– Неподходящего он выбрал себе для этого собеседника, – усмехнулся Смолянинов. – А проверять придется в любом случае. Вот оно, заявление-то. Надо было, конечно, попросить его написать подробнее.

– Он и так наговорил почти на час.

– Эх, зелень зеленая! Лучше бы сам написал. Так-то оно вернее. Да ты не вешай носа, – ободряюще похлопал Кима по плечу полковник, вставая из-за стола и начиная мерить кабинет шагами. – Я тебе такого помощника подобрал, спасибо скажешь.

– Карзаняна? Он еще не приходил.

Полковник давно хотел познакомить молодых людей на каком-нибудь горячем деле. Он был уверен, что, работая вместе, они хорошо дополняют друг друга, что порывистого, а иногда и безрассудного в своей запальчивости Илью Карзаняна, очертя голову лезущего, как было известно Смолянинову, куда ни попадя и совершающего порой из-за этого ошибки, дополнит спокойный, уравновешенный, а иногда и излишне осторожный Ким Логвинов.

– Мы с его отцом, Степаном Карзаняном, вместе начинали. С ним, да еще с Семенычем. Левко-то попозже пришел. Хотел я Илью сразу к нам в уголовный розыск взять после школы милиции – не пошел. Решил, как отец, все с самого начала. Это неплохо. Вот институт закончит – тогда к нам. Толковый парень, сам увидишь. Кстати, помнишь, Ким, дело «Серебряный потир»? Или до тебя еще было?

– Это вы про скатерть?

– Неужто вспомнил? – удивился Смолянинов и даже присел на край стола.

– Дело просмотрел. Я же тогда у вас в помощниках был.

– Во, во! Про скатерть, про нее, голубушку. Как Ревзин про нее сказал, мне сразу в голову ударило: а не та ли плюшевая, что была в розыске по краже из музея.

– По описанию похожа.

– Вот я и подумал, чем черт не шутит, может, как раз ее старик и видел. Принеси-ка мне это дело, я еще раз прочитаю. И вот еще...

Он не успел закончить. Зазвонил телефон прямой связи с начальником управления. Выслушав генерала и коротко ответив: «Есть!», Смолянинов повернулся к Киму:

– Иди к себе. Я вернусь – вызову.

...Последний раз лейтенант милиции Карзанян был в старом здании областного управления полгода назад, в конце осени, когда его вызвали, чтобы объявить благодарность за оперативное, по свежим следам, задержание преступника, совершившего квартирную кражу. С тех

пор здесь сделали ремонт, и все внутри трехэтажного, покрашенного салатого цвета краской здания сияло чистотой.

Илья разделся, подошел к зеркалу, висевшему рядом с гардеробом, пригладил коротко подстриженные черные выющиеся вихры, одернул китель и остался доволен. «Брюки вот только немного того, а так ничего», – решил он и вскинув левую бровь, что означало полное удовлетворение собой, пошел на последний этаж, где располагались кабинеты сотрудников уголовного розыска.

«Кто же этот Логвинов? – думал он про себя. – Что-то я не слышал такой фамилии. Видно, на «земле» он не работал». Илья считал себя человеком до крайности невезучим. Не то, что Вадька Сычев. Тот совсем нос задрал, когда на повышение пошел. Поначалу, когда Сычев поступил в районный отдел, он все за Карзаняном увивался: «Покажи, Расскажи, посоветуй». Чуть что – бежал за помощью к Илье. А теперь уже и не вспоминает, кто его работать учил.

В левом от лестницы коридоре нужного кабинета не оказалось. Это не смутило Илью. Он по опыту знал: то, что ищешь, всегда находится в противоположной стороне. Хотя всегда начинал слева.

Через десяток-другой шагов он оказался в середине правого коридора. «Сычев В. А.. Логвинов К. К.» – прочитал Илья на табличке. «Интересно, Константин Кузьмич или Кондратий Карлович? – улыбнулся он про себя. – Ладно, чего злиться-то. Дело бы знал. Смоляников, отец рассказывал, тоже лейтенантом пришел и сразу на должность старшего оперуполномоченного. Не боги горшки обжигают». Он попытался представить икону, на которой была изображена святая троица у гончарной печи. Ничего не получилось. «Значит, не боги», – окончательно решил он и, вскинув бровь, постучал в дверь. Не услышав ответа, Илья вошел. В просторном кабинете, в котором с комфортом могли бы разместиться все сотрудники отделения уголовного розыска его райотдела да еще вместе со следователями, стояли всего два стола и около десятка стульев. Высокое узкое окно было приоткрыто. Втянув носом воздух, Илья решительно заключил, что здесь не курят. «Ну и правильно», – одобрил он про себя.

– Проходите, пожалуйста, присаживайтесь, – послышался от окна приятный голос.

Только подойдя ближе к окну, Илья разглядел по ту сторону рамы с блестящими, как зеркало, стеклами высокого молодого человека. Он закрыл окно, вышел на середину комнаты и, подойдя вплотную к Илье, произнес еще мягче:

– Здравствуйте.

«Неаттестованный, – заметил про себя Илья, разглядывая шикарную волнистую шевелюру незнакомца, скрывавшую уши. – Чужак, офицеру такое украшение с рук не сошло бы. Это точно. Пижон».

– Здравствуйте, – с достоинством ответил он на жесткое рукопожатие тонкой, но сильной ладони. И с удивлением в голосе спросил: – Вы Логвинов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.